ПРОКУРОР В СУДЕБНЫХ ПРЕНИЯХ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2023 г. В. П. Горбачев

Донецкая областная коллегия адвокатов

E-mail: gorvp58@mail.ru

Поступила в редакцию 08.12.2022 г.

Аннотация. В статье проанализировано правовое положение и фактическая роль прокурора в судебных прениях сторон в уголовном процессе Российской Империи. От этой части судебного разбирательства во многом зависит общий результат рассмотрения уголовного дела. А изучение исторического опыта необходимо для лучшего понимания и решения проблем современного уголовного процесса, в основе которого лежат многие принципы, установленные судебной реформой 1864 г. Судебные прения были проявлением нового принципа состязательности в уголовном процессе. В своих обвинительных речах прокуроры нередко не только выходили за установленные пределы прений, но и не соблюдали нравственные требования в отношении к подсудимым и защитникам. В некоторых случаях между прокурорами и защитниками в судебном процессе возникали конфликты, а наиболее грубые нарушения правил ведения сторонами прений влекли отмену Правительствующим Сенатом состоявшихся приговоров. На первоначальном этапе после судебной и военно-судебной реформ обвинители в суде были корректными и непредвзятыми. Однако в 1880-е годы усилилась тенденция их обвинительного уклона, в основном по политическим делам.

Ключевые слова: судебная реформа, состязательность, суд, прокурор, защитник, присяжные заседатели, судебное следствие, судебные прения, обвинительная речь, Правительствующий Сенат.

Цитирование: Горбачев В. П. Прокурор в судебных прениях сторон в уголовном процессе Российской Империи // Государство и право. 2023. № 6. С. 169–177.

DOI: 10.31857/S102694520023539-3

PROSECUTOR IN THE COURT DEBATE OF THE PARTIES IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN EMPIRE

© 2023 V. P. Gorbachev

Donetsk Regional Bar Association

E-mail: gorvp58@mail.ru

Received 08.12.2022

Abstract. The article analyzes the legal status and the actual role of the prosecutor in the judicial debate of the parties in the criminal process of the Russian Empire. The overall result of the consideration of the criminal case largely depends on this part of the trial. And the study of historical experience is necessary for a better understanding and solution of the problems of modern criminal procedure, which is based on many principles established by the judicial reform of 1864. The judicial debates were a manifestation of the new principle of adversarial in criminal process. In their accusatory speeches, the prosecutors often not only went beyond the established limits of the debate, but also did not comply with moral requirements in relation to defendants and defenders. In some cases, there were conflicts between prosecutors and defense lawyers in the trial, and the most gross violations of the rules of conduct by the parties of the debate led to the cancellation of the verdicts by the Governing Senate. At the initial stage after the judicial and military-judicial reforms, the prosecutors in court were correct and unbiased. However, in the 1880^s, the tendency of their accusatory bias increased, mainly in political cases.

Key words: judicial reform, adversarial, court, prosecutor, defender, jurors, judicial investigation, court debate, accusatory speech, Governing Senate.

For citation: *Gorbachev, V.P. (2023). Prosecutor in the court debate of the parties in the criminal process of the Russian Empire // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 169–177.*

Одной из частей судебного разбирательства уголовных дел являются прения сторон, от которых во многом зависит результат рассмотрения дела. Поэтому важно исследовать роль сторон в этих прениях, в первую очередь прокурора, который является государственным обвинителем и поддерживает выдвинутое против подсудимого обвинение. А для лучшего понимания проблем современного уголовного процесса важно знать исторический опыт, накопленный в Российской Империи после судебной реформы 1864 г., которая коренным образом изменила весь уголовный процесс и установила многие принципы, лежащие в основе и судопроизводства Российской Федерации.

В Российской Империи роль прокурора в судебном производстве исследовали такие ученые и судебные деятели, как Г. Градовский, Л.Г. Иваненко, Е.И. Козлинина, А.Ф. Кони, А. Левенстим, Н.В. Муравьев, В. Никитин, В.А. Соболевский, В. Телесницкий и др. В СССР научный интерес к этому вопросу значительно снизился. В Российской Федерации эта проблема также остается малоисследованной. В работах Н.И. Биюшкиной, Б.В. Виленского, Ю.М. Горячковой, А.А. Демичева, Н.Ю. Ембулаевой, Е.А. Ивановой, С.М. Казанцева, Ю.А. Калинин, К.П. Краковского, М.В. Немытиной, В.А. Никонова, И.И. Полякова, Н.Н. Полянского, Р.В. Савуляка, В.В. Сухоноса, Н.А. Троицкого, П.Ф. Щербины, А.Н. Ярмышы и других исследователей истории прокуратуры и суда Российской Империи недостаточно выясненной остается практика участия прокурора в судебных прениях, а также кассационная практика по этому вопросу Правительствующего Сената и Главного военного суда.

В связи с этим целью статьи является установление правового положения и фактической роли прокурора в судебных прениях сторон в уголовном процессе Российской Империи после судебной и военно-судебной реформ 1864 и 1867 гг.

Одним из новых принципов уголовного процесса Российской Империи после судебной и военно-судебной реформ стал принцип состязательности сторон, который реализовался в ходе судебного следствия и судебных прений. Последние подразделялись на прения в ходе судебного следствия и заключительные прения после завершения судебного следствия.

Прения в суде могли возникать в течение всего судебного следствия по любому вопросу, по которому

стороны представляли свои объяснения, замечания или возражения¹. После завершения судебного следствия суд переходил к заключительным прениям сторон по существу рассмотренных и проверенных доказательств. Эти прения состояли из обвинительной и защитительной речей, объяснений гражданского истца, возражений сторон и последнего слова подсудимого (ст. 735, 736, 748 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), ст. 805, 806, 816 Военно-судебного устава (далее – ВСУ), ст. 796, 797, 807 Военно-морского судебного устава (далее – ВМСУ)). Порядок заключительных прений виден из такой характерной записи в протоколе судебного заседания: «По произнесении прокурором обвинительной речи, защитник произнес речь в пользу подсудимого. <...> По окончании речи защитника прокурор возражал, а по окончании его возражения, защитник возражал прокурору. По окончании речи защитника, подсудимому предоставлено право последнего слова»².

В узаконениях определялось, что прокурор в обвинительной речи должен излагать существенные обстоятельства обвинения на основании результатов судебного следствия и своё заключение о свойстве и степени вины подсудимого. По делам, решавшимся без участия присяжных заседателей, прокурор в обвинительной речи излагал свое заключение не только о виновности подсудимого, но также и о наказании, которому он подлежал (ст. 737, 738 УУС, ст. 807 ВСУ, ст. 798 ВМСУ).

По делам, которые рассматривались с участием присяжных заседателей, прения распались на две части: до и после постановления присяжными своего решения. До постановления ими вердикта обвинитель и защитник имели право рассматривать только фактическую сторону дела и квалификацию преступления³, однако не имели права затрагивать вопросы наказания⁴. Заключение

¹ См.: Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства. СПб., 1863. С. 348.

² Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1873 год. Второе полугодие. СПб., 1873. С. 1505.

³ Неточным является утверждение С.М. Казанцева и Ю.А. Калинин о том, что на этом этапе прокурору было запрещено касаться вопросов квалификации преступных деяний (см.: *Казанцев С.М.* История царской прокуратуры. СПб., 1993. С. 164; *Калинин Ю.А.* Производство по уголовным делам в окружных судах Российской империи. М., 2009. С. 132).

⁴ См.: *Спасский П.Л.* О производстве уголовных дел в окружных судах. Практическое руководство. Симбирск, 1882. С. 169.

о наказании и других последствиях виновности подсудимого прокурор должен был давать только после обвинительного решения суда присяжных (ст. 820 УУС). До этого запрещалось говорить даже о тяжести грозившего подсудимому наказания. Это было установлено для того, чтобы избежать влияния большей или меньшей строгости наказания на приговор присяжных заседателей⁵. Однако нарушение этого правила Правительствующий Сенат не признавал существенным⁶. А 2 марта 1910 г. запрет сторонам говорить во время прений о грозившем наказании и других последствиях решения присяжных заседателей был отменен⁷.

К содержанию обвинительной речи прокурора предъявлялись определенные требования, заключавшиеся в том, что она должна была: 1) касаться только обстоятельств, относившихся к делу; 2) ссылаться только на доказательства, проверенные в ходе судебного следствия; 3) соответствовать закону и нравственным требованиям (ст. 611, 735 УУС, ст. 714, 805 ВСУ, ст. 705, 796 ВМСУ).

В узаконениях устанавливалось, что заключительные прения должны проводиться по существу рассмотренных и проверенных доказательств. Однако на практике во время прений стороны часто ссылались на обстоятельства, которые не были предметом судебного следствия⁸ и даже не были указаны в обвинительном акте⁹. Поэтому на первоначальном этапе судебной реформы Правительствующий Сенат в своих многочисленных решениях разъяснял, что прокурор не имел права ссылаться на доказательства, не рассмотренные и не проверенные при судебном следствии, даже если они были указаны в обвинительном акте¹⁰.

Однако последующими разъяснениями Правительствующего Сената практика постепенно менялась. Особенно это видно на примере признательных показаний обвиняемого, которые он дал на

предварительном следствии. Первоначально Правительствующий Сенат разъяснял, что прокурор не имел права в обвинительной речи упоминать такие показания подсудимого¹¹. Однако в дальнейшем мнение Сената по этому вопросу изменилось. Его решения 1876 г. (№ 100) и 1894 г. (№ 27) «ввиду требований жизни и интересов правосудия» признали право сторон оценивать показания обвиняемого, которые он дал на предварительном следствии, если они были включены в обвинительный акт¹². В 1908 г. Правительствующий Сенат разъяснил, что если показания обвиняемого внесены в обвинительный акт и на судебном следствии не опровергнута правильность их изложения, то они могут быть предметом прений и оценки сторон как одно из доказательств по делу, оглашенное на судебном следствии¹³. А окончательно ограничения ссылаться в прениях на такие показания обвиняемого были сняты решением Правительствующего Сената от 1 февраля 1911 г., которое признало право оглашать их в судебном заседании¹⁴.

В военных судах такая практика сложилась раньше, чем в общих судах, и была более радикальной. Главный военный суд исходил из того, что чтение обвинительного акта входило в состав судебного следствия. Поэтому сторонам не было запрещено ссылаться в речи на документы и обстоятельства, указанные в обвинительном акте, даже если они не были проверены на судебном следствии¹⁵. Например, разрешалось ссылаться на признательные показания подсудимого, данные им при производстве предварительного следствия¹⁶. И на практике прокуроры в своих обвинительных речах ссылались на такие показания, как на доказательства¹⁷. Более того, по разъяснению

¹¹ См.: Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Второе полугодие. С. 1669.

¹² См.: Решение Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 1 февраля 1911 г. // Журнал Министерства Юстиции. 1911. № 5. С. 39.

¹³ См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Вып. IV. М., 1915. С. 1025.

¹⁴ См.: Решение Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 1 февраля 1911 года. С. 39.

¹⁵ См.: Решение Главного военного суда от 16 января 1871 г. № 1 // Военный сборник. 1871. № 4. Отд. 2. С. 142; Решение Главного военного суда от 18 декабря 1879 г. № 298 // Военный сборник. 1880. № 5. Отд. 2. С. 86; Решение Главного военного суда от 8 апреля 1880 г. № 91 // Военный сборник. 1880. № 11. Отд. 2. С. 66.

¹⁶ См.: Устав военно-судебный, разъясненный и дополненный мотивами, послужившими его основанием и вызвавшими его последующие изменения / сост. Н. Мартынов. 6-е изд. СПб., 1894. С. 277.

¹⁷ См.: Судебные отчеты. Московский военно-окружный суд. Дело по обвинению московского присяжного поверенного В.А. Жданова, студента Биланова и других в «экспроприации» // Право. 1907. № 41. Стлб. 2669.

⁵ См.: Сборник сокращенных решений Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. 1866 и 1867 г. СПб., 1872. С. 55.

⁶ См.: Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Первое полугодие. СПб., 1870. С. 714.

⁷ См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33152. С. 279.

⁸ См.: Циркуляр министра юстиции от 28 февраля 1872 г. № 282 // Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции. С 1 января 1865 по 31 декабря 1877 г. СПб., 1878. С. 265.

⁹ См.: Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Первое полугодие. С. 665.

¹⁰ См.: Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. За первое полугодие 1868. СПб., 1868. С. 369; Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1873 год. Второе полугодие. СПб., 1873. С. 1134.

Главного военного суда, воспрещение сторонам ссылаться на данные и документы, приведенные в обвинительном акте, составляло существенное нарушение¹⁸. Таким образом, по утверждению В.А. Соболевского, Главный военный суд обвинительному акту придавал доказательственное значение без всякой проверки в суде¹⁹.

В узаконениях запрещалось сторонам в своих речах высказывать оскорбления, неуважение к религии, закону (ст. 611, 745 УУС, ст. 714, 813 ВСУ, ст. 705, 804 ВМСУ). Однако на практике эти требования нередко нарушались²⁰.

Моральной стороне обвинительной речи много внимания уделял выдающийся судебный деятель А.Ф. Кони, который отмечал, что интерес общества и человеческое достоинство личности должны защищаться в одинаковой степени; нельзя забывать, что подсудимый является прежде всего человеком, имеющим право на уважение к своему человеческому достоинству. По его мнению, по отношению к личности подсудимого можно желать «спокойной сдержанности обвинителя, сильного в доводах, а не в эпитетах»²¹; прокурор не должен торжествовать по поводу осуждения и не должен негодовать по поводу оправдания подсудимого²². На это же обращали внимание инструкции прокуроров судебных палат. Например, инструкция прокурора Одесской судебной палаты 1872 г. требовала от подчиненных прокуроров исключить усиленные, не оправданные материалами дела, нападки на личность обвиняемого²³. Однако по разъяснению Правительствующего Сената (1872 г.) употребление прокурором в обвинительной речи неприличных в отношении подсудимого выражений не влекло отмену приговора, а могло иметь последствием только его личную ответственность перед начальством²⁴.

¹⁸ См.: Решение Главного военного суда от 16 января 1871 г. № 1 // Военный сборник. 1871. № 4. Отд. 2. С. 142.

¹⁹ См.: *Соболевский В.А.* Правосудие и правовой порядок в войсках. СПб., 1882. С. 306.

²⁰ См.: Сборник циркуляров... С 1 января 1865 по 31 декабря 1877 г. С. 54, 55, 265.

²¹ *Кони А.Ф.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 126, 128, 159.

²² См.: *Кони А.Ф.* Курс уголовного судопроизводства. М., 2011. С. 159.

²³ См.: Инструкция для руководства лицам прокурорского надзора Одесской судебной палаты при исполнении обязанностей, возложенных на них судебными уставами 20-го ноября 1864 г. и дополнительными к сим уставам узаконениями. Одесса, 1872. § 77. С. 30, 31.

²⁴ См.: Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. 11-е изд. / сост. С.Г. Щегловитов. СПб., 1913. С. 510.

По утверждению А.Ф. Кони, в первые годы существования новых судов понималась необходимость особого такта и выдержки обвинителя в отношениях с защитником, так как теоретически у них была одна задача — содействовать суду в выяснении истины с разных точек зрения²⁵. Правительствующий Сенат также требовал, чтобы прения велись с «достоинством, спокойствием и правильностью, которые составляют залог правосудия»²⁶. Однако на практике в суде бывали оскорбительные высказывания прокуроров в адрес защитников и подсудимых²⁷ так же, как и оскорбительные высказывания защиты в адрес обвинителя²⁸. В некоторых случаях прокурор в обвинительной речи «старался уронить защиту в глазах присяжных»²⁹, намекал и даже прямо указывал на то, что защита руководствуется только «денежными соображениями»³⁰.

Наиболее грубые нарушения правил ведения сторонами прений влекли отмену приговоров. Например, в 1871 и 1888 гг. Правительствующий Сенат в кассационном порядке рассмотрел дела, по которым судебные прения происходили с «крайними излишествами», товарищи прокурора и защитники позволяли себе неприличные пререкания и оскорбительные выражения. В связи с таким ходом прений присяжные заседатели не могли «находиться в том спокойном состоянии», которое необходимо для правильного рассмотрения дела, и не могли с надлежащей беспристрастностью «приступить к оценке доказательств виновности подсудимых и постановить решение, соответствующее понятию судебного приговора». С учётом таких нарушений Сенат отменил состоявшиеся приговоры, а о действиях товарищей прокурора сообщил министру юстиции³¹.

²⁵ См.: *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 4. С. 129.

²⁶ Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. 1888. СПб., 1889. С. 47.

²⁷ См.: *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 1. С. 351, 352.

²⁸ См.: Циркуляр Министра юстиции от 20 января 1867 г. // Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции. С 1 января 1865 по 31 декабря 1877 г. СПб., 1878. С. 54, 55, 265, 266; Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. 1888. С. 47.

²⁹ Сборник сокращенных решений Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. 1866 и 1867 гг. СПб., 1872. С. 56.

³⁰ *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 4. С. 134, 135.

³¹ См.: *Спасский П.Л.* Указ. соч. С. 167; *Иваненко Л.Г.* Обвинительная речь // Журнал Министерства Юстиции. 1914. № 2. С. 52; Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. 1888. С. 47–48.

Иногда обвинители затрагивали вопросы национальности подсудимых и свидетелей³², что получало негативную оценку Правительствующего Сената. В 1885 и 1890 гг. он отменил решения присяжных заседателей по делам, по которым прокуроры высказывали «племенные или религиозные предубеждения» против подсудимых³³. Однако, как отмечалось в прессе, отдельные решения Правительствующего Сената были не в состоянии искоренить такие приемы представителей государственного обвинения³⁴. И как подтверждение этой мысли, в 1913 г. по резонансному делу Бейлиса, рассмотренному Киевским окружным судом, обвинитель в своей речи «разгорячился» и «произнес несколько фраз, могущих разжечь племенную вражду»³⁵.

В связи с имевшимися нарушениями министерство юстиции своим циркуляром напомнило прокурорам о необходимости в обвинительных речах соблюдать «сдержанность, спокойствие приёмов и обдуманность в выражениях». А в случаях нарушения пределов прений защитой министерство обязало прокуроров своевременно заявлять суду ходатайства о занесении существа этих нарушений в протокол судебного заседания³⁶.

В некоторых случаях были примеры нетактичного отношения обвинителей к председателям судебных заседаний. В связи с этим Правительствующий Сенат разъяснил, что прокурор в обвинительной речи не имел права делать какие-либо замечания, касающиеся действий председательствовавшего в суде³⁷.

В военном ведомстве были установлены дополнительные ограничения содержания обвинительной речи. Циркулярное разъяснение Главного военно-судного управления от 20 апреля 1882 г. № 2797 запретило неуместную критику, метафоры, аллегории и иные ораторские приёмы, не отвечающие условиям военного быта и существенным целям военного суда. Запрещалось употреблять выражения, оскорбительные для военных начальников, делать о них иронические замечания, критиковать и порицать их распоряжения или

делать какие-либо общие рассуждения, изображавшие принятые в военном быту порядки, как нечто ненормальное, заслуживающее порицания³⁸. В дальнейшем частично эти запреты были закреплены законом. Новая редакция Военно-судебного устава 1884 г. (ст. 887) установила, что прокурору и всем участвовавшим в деле лицам запрещалось осуждать установленные законом в военном быту порядки, употреблять в отношении военных начальников выражения, не соответствовавшие их достоинству и власти, порицать их распоряжения. А циркулярное предписание главного военного прокурора от 17 сентября 1912 г. № 9475, повторив требования циркуляра от 20 апреля 1882 г., запретило в речи прокурора во время прений резкие выражения и обидные сопоставления, затрагивавшие достоинство лиц, присутствовавших в суде³⁹.

Прокуроры судебных палат требовали от подчинённых, чтобы обвинительная речь была ясной, логичной и отчетливой⁴⁰. А это во многом зависело от ораторского мастерства обвинителей. На практике профессиональный уровень обвинителей был различным. Среди них были талантливые и посредственные, беспристрастные и предвзятые, корректные и бестактные, снисходительные и беспощадные обвинители.

В прокуратуре было много талантливых обвинителей, отличавшихся «даром говорить необыкновенно просто, ясно, отчетливо», «убедительно и логично»⁴¹. Среди таких обвинителей современники называли Ф.Ф. Арнольда, М.Ф. Громницкого, А.Ф. Кони, Н.В. Муравьева, П.Н. Обнинского⁴², В.И. Жуковского, С.А. Андреевского, В.К. Случевского⁴³ и многих других. Яркие характеристики конкретных работников прокуратуры даны в воспоминаниях А.Ф. Кони, Е.И. Козлининой, бывших присяжных заседателей и других современников. Например, среди многочисленных воспоминаний присяжных заседателей было и такое: «И мы старательно вникали в ясную, спокойную, дельную речь..., чуждую всяких выходов по адресу подсудимых и защитников, и всяких

³² См.: Градовский Г. Еще о прокуратуре // Судебная газ. 1883. № 19. С. 5.

³³ См.: Кони А. Ф. Участие прокурора в заключительных прениях по судебному следствию. (Комментарий к ст. ст. 738–740 У. У. С.) // Вестник права. 1915. № 20. С. 603; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 632. Л. 3–3 об.

³⁴ К 5 п. 707 ст. уст. угол. суд. // Судебная газ. 1885. № 38. С. 3.

³⁵ Тагер А. С. Царская Россия и дело Бейлиса. 2-е изд. / с предисл. А. В. Луначарского. М., 1934. С. 233, 234, 278.

³⁶ См.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 632. Л. 5 об., 6 об.

³⁷ См.: Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями... / сост. С. Г. Щегловитов. С. 410.

³⁸ См.: Отчет Главного военно-судного управления за 1882 год // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1882 год. СПб., 1884. С. 31, 32; Швейковский П. А. Устав военно-судебный (Св. Воен. Пост. 1869 г., кн. XXIV, изд. 4). СПб., 1914. С. 690.

³⁹ См.: Швейковский П. А. Указ. соч. С. XXXII.

⁴⁰ См.: Инструкция для руководства лицам прокурорского надзора Одесской судебной палаты... § 78. С. 32.

⁴¹ Н. Н. О. Из заметок присяжного заседателя // Исторический вестник. 1898. Т. 74. С. 202; Иваненко Л. Г. Указ. соч. С. 57.

⁴² См.: Козлинина Е. И. За полвека. 1862–1912 гг.: воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 132, 133, 163, 164, 177–179.

⁴³ См.: Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 193–195.

прокурорских громов на заезженные темы о том, что «порок должен быть наказан», и т.п. Ничего лишнего, резкого, вымученного не было в речах этого симпатичного старика-прокурора, целиком сохранившего живую душу среди очерствяющих условий своей профессии»⁴⁴.

Современники понимали, что «от обыкновенных деятелей нельзя требовать талантливости, являющейся уделом весьма немногих», однако можно было требовать «рвения, энергии, любви и добросовестности» при исполнении обязанностей, возложенных на них законом⁴⁵. Добросовестность работников прокуратуры сама по себе не гарантировала их успешность как обвинителей; поэтому после их неудачных выступлений в суде опытные прокуроры поручали им другие участки работы⁴⁶.

На практике обвинительные речи во многих случаях не соответствовали предъявляемым к ним требованиям. Ещё подготовительная комиссия, которая в 1863 г. обсуждала проект Устава уголовного судопроизводства, понимала, что на начальном этапе реформы «отличных защитников и отличных прокуроров будет немного»⁴⁷. О «слабости прокуратуры» в этом отношении современники говорили в 1880-е годы⁴⁸. А в 1894 г. товарищ прокурора Виленского окружного суда А.А. Левенстим в своей работе «Речь государственного обвинителя в уголовном суде» дал невысокую оценку общему уровню обвинительных речей: «Всякий беспристрастный человек, которому пришлось следить за речами нашей прокуратуры, должен сознаться, что общее впечатление этих речей серое, бесцветное»⁴⁹.

Один из присяжных заседателей вспоминал о товарище прокурора, чьи «речи страдали большой сухостью и формализмом, редко выходя из узких и односторонних рамок обвинительного акта». Он же отмечал, что выступавшие перед присяжными заседателями прокуроры «большею частью были бледны и бесцветны: приходили они на свою... колокольню, звонили там более или менее усердно и уходили прочь без видимых результатов»⁵⁰. Нередко обвинители страдали пустословием: «То, что можно сказать за 10 минут, пережевывают по часу сряду и всем этим производят один лишь сумбур

в головах тех присяжных заседателей, которые не в состоянии отличить дела от пустословия»⁵¹.

Некоторые обвинители излагали «пустейшие дела напыщенным, риторическим слогом», переполняли свои речи иностранными словами, учёными терминами, чтобы они выходили «ораторскими». Однако, по воспоминаниям одного из присяжных заседателей, «высокопарное пересыпание иностранными словами, фразерство» надоедали заседателям, нагоняли на них «скуку, утомление, происходящие преимущественно от непонимания большинством заседателей (купцами, ремесленниками и прочими простолюдинами) вычурных выражений, ежеминутно вставляемых обвинителями и защитниками в свои импровизации»⁵². В связи с этим не поддаваться «соблазну красивой формы» призывал ораторов А.Ф. Кони, который говорил, что в основе судебного красноречия лежит «необходимость *доказывать* и *убеждать*», а не производить на присяжных впечатление⁵³.

Прокурор в обвинительной речи должен был подвести итоги всей судебной работы: изложить обстоятельства дела, разобрать улики, выяснить степень вины подсудимого, дать оценку его действиям и своё заключение о применении наказания⁵⁴. Однако на практике обвинительные речи нередко не соответствовали этим требованиям. Многие обвинители в судах без участия присяжных заседателей (а в некоторых случаях даже и с их участием) обвинительную речь ограничивали заявлением о том, что они поддерживают обвинение «по обвинительному акту». Такая практика у большинства судей не вызвала вопросов, потому что они большее значение придавали судебному следствию, а не речам, так как редко слышали «хорошие речи»⁵⁵.

В некоторых случаях обвинители не считали необходимым доказывать виновность подсудимого, так как признавали её очевидной, и об этом говорили суду. Например, А.Ф. Кони вспоминал об обвинительной речи одного из товарищей прокурора перед присяжными, которая состояла из семи строк⁵⁶. Защитник В.А. Скрипцын по одному из дел вспоминал: «Прокурор не нашел нужным утомлять присяжных какою-либо речью. Факт совершен, сознание на лицо, но рядом с фактической правдою есть высшая правда — правда нравственная — она основа правосудия, ее

⁴⁴ Н.Н.О. Указ. соч. С. 202.

⁴⁵ См.: Телесницкий В. К вопросу о слабости обвинения, сравнительно с защитой, в наших окружных судах // Журнал гражданского и уголовного права. 1888. № 5. С. 54.

⁴⁶ См.: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 189, 191, 193.

⁴⁷ Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства. С. 277.

⁴⁸ См.: Иваненко Л.Г. Указ. соч. С. 59, 60.

⁴⁹ Левенстим А. Речь государственного обвинителя в уголовном суде. Этюд. СПб., 1894. С. 3.

⁵⁰ Н.Н.О. Указ. соч. С. 201, 202.

⁵¹ Никитин В. Петербургский суд присяжных (наблюдения и впечатления присяжного заседателя) // Отечественные записки. 1871. № 5–6. Отд. I. С. 380.

⁵² Там же. С. 380, 385.

⁵³ См.: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 124, 125, 144, 158.

⁵⁴ См.: Левенстим А. Указ. соч. С. 1, 98.

⁵⁵ Иваненко Л.Г. Указ. соч. С. 61.

⁵⁶ См.: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 189.

и дадите вы, сказал он присяжным»⁵⁷. В результате суд присяжных оправдал подсудимого. Такие примеры были и по политическим делам. Так, 13 апреля 1879 г. в С.-Петербургском военно-окружном суде по делу ротного командира В.А. Дубровина, обвинявшегося в участии в революционном кружке и сопротивлении властям, обвинительная речь прокурора состояла всего из 12 строк, без какого-либо анализа доказательств по делу. Обвинитель полагал, что о поступке подсудимого «излишне будет говорить перед судом» в связи с его очевидной доказанностью, и просил суд применить к подсудимому смертную казнь⁵⁸.

С учётом изложенного требует уточнения утверждение некоторых современных исследователей о том, что «в большинстве своем прокуроры пореформенной России отличались глубиной и ясностью мысли, строгой логикой рассуждений, умелой полемикой с процессуальным противником»⁵⁹.

Оценивая деятельность прокуратуры в первые пореформенные годы, А.Ф. Кони отмечал, что тогда прокурор не видел в подсудимом своего врага, он только исполнял свою тяжелую обязанность и без особого торжества высказывал свое мнение о том, что подсудимый виновен⁶⁰. Он указывал такие основные черты формировавшегося типа обвинителя, как «спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приемов обвинения, чуждая и возбуждению страстей, и искажению данных дела». К этому А.Ф. Кони прибавлял простоту языка, свободного от вычурности или от громких и «жалких» слов. По его утверждению, «бездушная риторика» в то время была редким исключением⁶¹.

Современники говорили о том, что сформировался тип «обвинителей, говорящих убедительно и логично без цветов красноречия»⁶²; обвинителей, которые «не лезли из кожи вон» для того, чтобы обвинить человека; обвинителей, которые знали «чувство меры» и не требовали «возмездия

свыше меры» и которые в любом преступнике искали прежде всего человека⁶³. Такое поведение обвинителей оказывало несомненное влияние на присяжных заседателей⁶⁴, однако не всегда нравилось прокурорскому начальству. Например, прокурору Московской судебной палаты Н.В. Муравьеву было «не по душе» то, что многие подчинённые работники прокуратуры были очень мягкими, «не в меру корректными и недостаточно задорными»⁶⁵.

Однако постепенно корректное отношение к подсудимым стало изменяться, в отношении них появилась «развязность тона»⁶⁶, а некоторым обвинителям стало свойственно издевательство над подсудимыми⁶⁷. По этому поводу А.Ф. Кони вспоминал, что, когда он был прокурором С.-Петербургского окружного суда, «ярый» обвинитель («воплощенная желчь»), В.А. Желеховский по одному из дел заявил ему, что он, хотя и проиграл дело, однако все-таки «вымазал подсудимому всю морду сапогом»⁶⁸; после такого заявления А.Ф. Кони отстранил его от выступлений в качестве обвинителя и возложил на него другие обязанности⁶⁹. Предвзятое отношение и даже жестокость к подсудимым были присущи многим обвинителям по политическим делам⁷⁰.

В 1880-е годы усилилась тенденция бездоказательного «обвинительного красноречия» прокуроров, которое иногда помогало продвигаться по карьерной лестнице⁷¹. К концу 1880-х годов судебные деятели, пришедшие в судебную систему сразу после проведения реформы, постепенно стали сменяться новым поколением. Как утверждал А.Ф. Кони, в этот период «в судебном ведомстве наступает нравственный перелом»⁷², в прокуратуре начали «водворяться нежелательные приемы»⁷³, «идеалы постепенно начали затемняться, и нравственные задачи отходить на задний план», «служение правосудию понемногу начинает обращаться в службу по судебному ведомству»⁷⁴.

⁵⁷ Скрипичин В.А. Подсудимые (Из воспоминаний защитника). СПб., 1890. С. 157, 158.

⁵⁸ См.: Революционная журналистика семидесятых годов. Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издающимся под редакцией Б. Базилевского. Paris, 1905. С. 471, 474; Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. С. 192.

⁵⁹ Речи прокуроров Российской империи / В.В. Лавров, Н.М. Иванова, А.В. Еремин, Г.К. Жуков, Н.В. Кулик. СПб., 2020. С. 18. URL: <https://www.procuror.spb.ru/izdaniya/300years2.pdf>

⁶⁰ См.: Кони А.Ф. Курс уголовного судопроизводства. С. 159.

⁶¹ См.: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 61, 124; *Его же*. Нравственные начала в уголовном процессе // Журнал Министерства Юстиции. 1902. № 1. С. 29, 30.

⁶² Иваненко Л.Г. Указ. соч. С. 57.

⁶³ См.: Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 177, 178, 285, 286, 351, 352, 386.

⁶⁴ См.: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 189, 190; Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 351, 352.

⁶⁵ Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 331, 332.

⁶⁶ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 127.

⁶⁷ См.: Иваненко Л.Г. Указ. соч. С. 53, 54.

⁶⁸ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 59.

⁶⁹ См.: там же. Т. 4. С. 126.

⁷⁰ См.: Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 22, 78, 189, 190, 251.

⁷¹ См.: Градовский Г. Указ. соч. С. 5.

⁷² Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 312.

⁷³ Там же. Т. 4. С. 163.

⁷⁴ Кони А.Ф. Судебные речи. 4-е изд. СПб., 1905. С. 34.

Е. И. Козлинина о 1890-х годах вспоминала: «Гуманистические идеалы людей 60-х годов отодвигались незаметно, но настойчиво, в сторону...»⁷⁵. А министр юстиции в своём циркуляре от 15 декабря 1900 г. вынужден был напомнить, что прокурор в суде является не только государственным обвинителем, но и «должностным блюстителем законности», поэтому он должен быть «заинтересован не столько в признании и успехе, сколько в правильности и основательности обвинения»⁷⁶.

* * *

Таким образом, можно сделать вывод о том, что судебные прения сторон были проявлением нового принципа состязательности в уголовном процессе. В законодательстве определялись их содержание и пределы, однако практика показала, что прокуроры, как и защитники, часто нарушали эти предписания. В своих обвинительных речах прокуроры нередко не только выходили за установленные пределы прений, но и не соблюдали нравственные требования в отношении к подсудимым и защитникам. В некоторых случаях между прокурорами и защитниками в судебном процессе возникали конфликты, а наиболее грубые нарушения правил ведения сторонами прений влекли отмену Правительствующим Сенатом состоявшихся приговоров.

В прокуратуре было много талантливых обвинителей, однако общий уровень обвинительных речей был невысоким. На первоначальном этапе после судебной и военно-судебной реформ обвинители в суде были в основном корректными и непредвзятыми. Однако в 1880-е годы усилилась тенденция их обвинительного уклона, предвзятости отношения и даже жестокости по отношению к подсудимым, в основном по политическим делам.

С учётом исторического опыта целесообразно в нормативных правовых актах Российской Федерации более конкретно определить требования, предъявляемые к обвинительной речи прокурора, а предусмотренный ч. 5 ст. 292 УПК РФ перечень случаев, в которых председательствующий в суде имеет право останавливать участвующих в прениях лиц, дополнить случаями, когда они ссылаются на доказательства, не исследованные в судебном заседании, или же допускают оскорбительные или неприличные высказывания.

⁷⁵ Козлинина Е. И. Указ. соч. С. 400.

⁷⁶ Циркулярное распоряжение Министра юстиции от 15 декабря 1900 г. № 37669 // Журнал Министерства Юстиции. 1901. № 1. С. 76.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Градовский Г. Еще о прокуратуре // Судебная газ. 1883. № 19. С. 5.
2. Иваненко Л. Г. Обвинительная речь // Журнал Министерства Юстиции. 1914. № 2. С. 52–54, 57, 59–61.
3. Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб., 1993. С. 164.
4. Калинин Ю. А. Производство по уголовным делам в окружных судах Российской империи. М., 2009. С. 132.
5. Козлинина Е. И. За полвека. 1862–1912 гг.: воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 132, 133, 163, 164, 177–179, 285, 286, 331, 332, 351, 352, 386, 400.
6. Кони А. Ф. Курс уголовного судопроизводства. М., 2011. С. 159.
7. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Журнал Министерства Юстиции. 1902. № 1. С. 29, 30.
8. Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. М., 1967. Т. 1. С. 351, 352; т. 2. С. 59, 312; т. 4. С. 61, 124–129, 134, 135, 144, 158, 159, 163, 189–191, 193–195.
9. Кони А. Ф. Судебные речи. 4-е изд. СПб., 1905. С. 34.
10. Кони А. Ф. Участие прокурора в заключительных прениях по судебному следствию. (Комментарий к ст. ст. 738–740 У. У. С.) // Вестник права. 1915. № 20. С. 603.
11. Левенстим А. Речь государственного обвинителя в уголовном суде. Этюд. СПб., 1894. С. 1, 3, 98.
12. Н. Н. О. Из заметок присяжного заседателя // Исторический вестник. 1898. Т. 74. С. 201, 202.
13. Никитин В. Петербургский суд присяжных (наблюдения и впечатления присяжного заседателя) // Отечественные записки. 1871. № 5–6. Отд. I. С. 380, 385.
14. Революционная журналистика семидесятых годов. Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издающимся под редакцией Б. Базилевского. Paris, 1905. С. 471, 474.
15. Речи прокуроров Российской империи / В. В. Лавров, Н. М. Иванова, А. В. Еремин, Г. К. Жуков, Н. В. Кулик. СПб., 2020. С. 18. URL: <https://www.procuror.spb.ru/izdaniya/300years2.pdf>
16. Скрипичын В. А. Подсудимые (Из воспоминаний защитника). СПб., 1890. С. 157, 158.
17. Соболевский В. А. Правосудие и правовой порядок в войсках. СПб., 1882. С. 306.
18. Спасский П. Л. О производстве уголовных дел в окружных судах. Практическое руководство. Симбирск, 1882. С. 167, 169.
19. Тагер А. С. Царская Россия и дело Бейлиса. 2-е изд. / с предисл. А. В. Луначарского. М., 1934. С. 233, 234, 278.
20. Телесницкий В. К вопросу о слабости обвинения, сравнительно с защитой, в наших окружных судах // Журнал гражданского и уголовного права. 1888. № 5. С. 54.
21. Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. С. 22, 78, 189, 190, 192, 251.

22. Устав военно-судебный, разъясненный и дополненный мотивами, послужившими его основанием и вызвавшими его последующие изменения / сост. Н. Мартынов. 6-е изд. СПб., 1894. С. 277.
23. Швейковский П.А. Устав военно-судебный (Св. Воен. Пост. 1869 г., кн. XXIV., изд. 4). СПб., 1914. С. XXXII, 690.
12. *N.N.O.* From the notes of the juror // Historical Bulletin. 1898. Vol. 74. P. 201, 202 (in Russ.).
13. *Nikitin V.* Petersburg jury trial (observations and impressions of a juror) // Domestic notes. 1871. No. 5–6. Ed. I. P. 380, 385 (in Russ.).
14. Revolutionary journalism of the seventies. The first appendix to the collections “State Crimes in Russia”, ed. by B. Bazilevsky. Paris, 1905. P. 471, 474 (in Russ.).
15. Speeches of prosecutors of the Russian Empire / V.V. Lавров, N.M. Ivanova, A.V. Eremin, G.K. Zhukov, N.V. Kulik. SPb., 2020. P. 18. URL: <https://www.procuror.spb.ru/izdaniya/300years2.pdf> (in Russ.).

REFERENCES

1. *Gradovsky G.* More about the Prosecutor’s Office // Judicial gaz. 1883. No. 19. P. 5 (in Russ.).
2. *Ivanenko L.G.* Accusatory speech // Journal of the Ministry of Justice. 1914. No. 2. P. 52–54, 57, 59–61 (in Russ.).
3. *Kazantsev S.M.* History of the Tsarist Prosecutor’s Office. SPb., 1993. P. 164 (in Russ.).
4. *Kalinkin Yu. A.* Criminal proceedings in the district courts of the Russian Empire. М., 2009. P. 132 (in Russ.).
5. *Kozlinina E.I.* For half a century. 1862–1912.: memoirs, essays and characteristics. М., 1913. P. 132, 133, 163, 164, 177–179, 285, 286, 331, 332, 351, 352, 386, 400 (in Russ.).
6. *Koni A.F.* Course of criminal proceedings. М., 2011. P. 159 (in Russ.).
7. *Koni A.F.* Moral principles in criminal proceedings // Journal of the Ministry of Justice. 1902. No. 1. P. 29, 30 (in Russ.).
8. *Koni A.F.* Collected works: in 8 vols, 1967. Vol. 1. P. 351, 352; vol. 2. P. 59, 312; vol. 4. S. 61, 124–129, 134, 135, 144, 158, 159, 163, 189–191, 193–195 (in Russ.).
9. *Koni A.F.* Judicial speeches. 4th ed. St. Petersburg, 1905. P. 34 (in Russ.).
10. *Koni A.F.* Participation of the prosecutor in the final debate on the judicial investigation. (Commentary to Articles 738–740 U. U. S.) // Bulletin of Law. 1915. No. 20. P. 603 (in Russ.).
11. *Levenstam A.* Speech of the state prosecutor in the criminal court. Etude. SPb., 1894. P. 1, 3, 98 (in Russ.).
16. *Skripitsyn V.A.* The defendants (From the memoirs of the defender). St. Petersburg, 1890. P. 157, 158 (in Russ.).
17. *Sobolevsky V.A.* Justice and legal order in the military. St. Petersburg, 1882. P. 306 (in Russ.).
18. *Spassky P.L.* On criminal proceedings in district courts. Practical guide. Simbirsk, 1882. P. 167, 169 (in Russ.).
19. *Tager A.S.* Tsarist Russia and the Beilis case. 2nd ed. / with a preface by A.V. Lunacharsky. М., 1934. P. 233, 234, 278 (in Russ.).
20. *Telesnitsky V.* On the question of the weakness of the prosecution, compared with the defense, in our district courts // Journal of Civil and Criminal Law. 1888. No. 5. P. 54 (in Russ.).
21. *Troitsky N.A.* Madness of the brave. Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism. 1866–1882. М., 1978. P. 22, 78, 189, 190, 192, 251 (in Russ.).
22. The military-judicial Statute, clarified and supplemented by the motives that served as its basis and caused its subsequent changes / comp. N. Martynov. 6th ed. St. Petersburg, 1894. P. 277 (in Russ.).
23. *Shveykovsky P.A.* Military-judicial Statute (St. Military. Post. 1869, book XXIV, ed. 4). St. Petersburg, 1914. P. XXXII, 690 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГОРБАЧЕВ Василий Павлович – кандидат юридических наук, доцент, адвокат Донецкой областной коллегии адвокатов; 283050 г. Донецк, ул. Шекспира, д. 13

Authors’ information

GORBACHEV Vasily P. – PhD in Law, Associate Professor, Lawyer of the Donetsk Regional Bar Association; 13 Shakespeare str., 283050 Donetsk, Russia